

Могильников В.А.
(г.Москва)

О МИГРАЦИЯХ КУЛАЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ЮГ

Анализируя материал Верхнего Приобья, М.П. Грязнов (1956) отметил связь выделенной им верхнеобской культуры с пришлым с севера леснымугорским населением. Широкие полевые и камеральные исследования последующих лет (Т.Н. Троицкая, Л.А. Чиндина, В.А. Могильников, В.В. Бородаев и др.) подтвердили точку зрения М.П. Грязнова о северном происхождении населения верхнеобской культуры, но внесли изменения в хронологию ее этапов, связав генезис и становление фоминского этапа с миграцией в Верхнее Приобье в конце I тыс. до н. э. начале I тыс. н. э. кулайцев из Среднего Приобья, которых большинство авторов идентифицируют с самодийцами. Т.Н. Троицкая (1979) выделила два этапа миграции кулайцев. Первый, III-II вв. до н.э., захватил Новосибирское Приобье, второй, I в. до н. э., I в. н.э. привел к распространению кулайского населения с керамикой саровского типа на Барнаульско-Бийское Приобье и формированию памятников фоминского этапа. Полученные в последние годы новые материалы дают возможность отметить некоторые особенности миграции кулайцев на юг, Верхнее Приобье, и на запад, в Среднее Прииртышье. При этом играли роль экологические, социально-экономические и политические факторы.

Миграциям кулайского населения вверх по Оби до предгорий Саяно-Алтая благоприятствовала экологическая ситуация в этом регионе, а именно наличие широкой полосы ленточного бора вдоль Оби, тянувшегося по правобережью до Бийска. На левобережье бор сплошной полосой по-видимому не шел, но его широкий язык также уходил достаточно далеко к югу за Ордынское почти до Крутихи, где сливается с Бурлинской лентой бора, врезающейся в Кулундинскую степь. Далее к ЮЮВ вдоль левого берега Оби участки бора шли, по-видимому, островами, что уже подмечено В.Б. Бородаевым и В.В. Горбуновым (1993). О большой облесенности левобережья Верхнего Приобья во второй половине I тыс. до н. э. говорят внутримогильные конструкции в курганах каменной культуры, устроенные из колотых стволов сосны толщиной до 40, а иногда и далее см (Могильников В.А., Куйбышев А.В., 1982, с.121) в тех местах (Камень-на-Оби и др.), где в настоящее время такие леса не произрастают. Лесные массивы шли по Бие до Прителецкой тайги, по Томи до Салаира и Кузнецкого Алатау. В совокупности эти лесные массивы составляли фон, экологическую нишу, благоприятствовавшую далекому проникновению кулайцев на юг вдоль Оби, Томи и левых притоков Чулыма до предгорий Саяно-Алтая. Причем природные условия данного региона были благоприятны для населения и с охотничье-рыболовческим и с многоотраслевым хозяйством, сочетавшим присваивающие и производящие отрасли. Это создавало условия для глубоких эпизодических проникновений кулайцев на юг, не зависящих от изменений конкретной экологической или демографической ситуации на основной территории кулайского ареала, и происходили они время от времени с конца VI-V вв. до н. э., с периода становления кулайской культуры, в какой-то мере наследуя пути миграций северного населения переходного времени от бронзового века к железному. Однако до III-II вв. до н. э. можно говорить лишь об отдельных проникновениях или переселениях отдельных небольших групп кулайцев, а не об их миграциях. Основным стимулом таких проникновений было стремление к освоению новых промысловых угодий. Поскольку у кулайцев было довольно сильно развито медеплавильное дело, могли также совершаться путешествия за медью и оловом в районы Горной Шории и Рудного Алтая. В связи с развитием торгово-обменных контрактов могли осуществляться весьма далекие брачные связи. Отражением, возможно, последнего рода связей является орнамент типа уточки на одном из сосудов поселения Бийск-скотобойня (Грязнов М.П., 1956, рис.16), относящимся к бийскому этапу конца VI-V вв. до н. э. (Абдулганеев М.Т., Казаков А.А., 1994, с.114). Медь кулайцы могли получать и опосредованно от населения Верхнего Приобья, где на поселениях

(Енисейское-2, Боровое-3. Ближние Елбаны XII) открыты следы металлургии и литья меди (Абдулганеев. М.Т., 1993, с.56; Грязнов М.П., 1956, с.88-89, табл. XX111, XX1V). Примечательно, что на других памятниках бийского этапа следов контактов с кулайцами пока не обнаружено, что, по-видимому, говорят о незначительности связей кулайцев с Верхним Приобьем, точнее об отсутствии значительных переселений с севера в этот регион. Кстати, для этого периода характерно наоборот продвижение элементов к северу, что прослеживается на широком пространстве степей от Алтая и Верхнего Приобья до Причерноморья.

С проникновением в IV-III вв. до н. э. небольшой группы кулайского населения, растворившейся в среде местного населения Каменской и староалейской культур, М.Т. Абдулганеев и А.А. Казаков (1994, с.114) связывают поселения Чудацкая Гора и Новообинцевский клад (Бородаев В.Б., 1987). Примечательно, что следы этого проникновения вообще не фиксируются в материале большого числа исследованных погребений этого времени в Верхнем Приобье Обь-Иртышском степном и лесостепном междуречьи, кроме северной Барбары, что также указывает на проникновение лишь небольшой группы кулайцев, продвинувшейся вдоль левобережья Оби, которая быстро интегрировалась в составе территориально ограниченной группы населения прибрежного региона, не оказав существенного воздействия на культуру и этнический состав основной массы этноса Каменской культуры.

К этому начальному этапу проникновения отдельных групп кулайцев к югу относится Новосибирский могильник V-IV вв. до н. э. (ОАК за 1896 г., с.138), который хронологически расположен посреди между более ранним свидетельством присутствия кулайцев на упомянутых поселениях Бийск-скотобойня конца VI-V вв. до н. э. поселением Чудацкая Гора и Новообинцевским кладом IV-III вв. до н. э. и как бы частично заполняет фиксирующуюся лакуну ранних кулайских проникновений на Верхнюю Обь. Культура этого памятника смешанная. Здесь представлены северные наконечники стрел кулайского типа из бронзы и фигурка горного козла, вероятно, среднеазиатского происхождения, подвеска в виде колокольчика и бронзовое прорезное копье, распространенные широко, что указывает на широту культурно-интеграционных процессов в северной части лесостепи в соседстве с южно-таежной подзоной, на основании чего можно предполагать в середине I тыс. до н. э. смешанный облик культуры и неоднородность этноса в северной части лесостепи Верхнего Приобья, что объяснимо контактным расположением этого региона.

Начало миграции значительной части кулайцев на юг относится ко второй половине III-II вв. до н. э. Наиболее выразительно она документирована материалом могильника Каменный Мыс, демонстрирующим смешение пришельцев-кулайцев и местного населения каменской культуры. Развитие этого процесса прослеживается по данным погребального ритуала и, особенно, по керамике. Лесостепные формы сосудов каменной культуры преимущественно в виде широкогорлых кувшинов покрыты кулайским орнаментом с включением штампа типа "уточки"- керамика группы I-(по Т.Н. Троицкой, 1979, табл. XVII, 4,9,12,15,19,26). В то же время здесь не представлены кулайские круглодонные чашевидные сосуды-керамика группы II, подгруппы I- Т.Н. Троицкой (1979, табл. XVII, 6,22, XVIII, XIX) и переходные формы от кулайских чаш Каменским кувшинам и банкам с преимущественно кулайским орнаментом (Троицкая Т.Н., 1979, табл. XX-XXI). При этом кулайский орнамент стал преобладающим, что отмечено Т.Н. Троицкой, а местный субстрат обусловил своеобразие новосибирского варианта кулайской культуры, интегрировавшись в пришедшей кулайской среде. Далее новосибирского Приобья, к югу от Ордынского, миграция кулайцев III-II вв. до н. э., видимо, не распространялась. Об этом говорит материал могильника Масляха I III - II вв. до н. э., расположенного на левобережье Оби в 50 км к ЮЗ от с.Ордынского. Элементы культуры кулайцев на этом памятнике отсутствуют, а в инвентаре погр.1 кургана I представлен железный кинжал с утраченным прямым перекрестием и серповидным навершием (Могильников В.А., Уманский А.П., 1992, рис.1,1), идентичный кинжалу, выгравированному на костяной нагрудной панцирной пластине с городища Дубровинский Борок-3 (Троицкая Т.Н., 1979, табл. XX1X,1), что служит одним из аргументов

синхронности этих памятников. Смешанный, синкретичный облик культуры кулайского населения Новосибирского Приобья III-II вв. до н. э., по-видимому, объясняется тем еще, что мигрировала первоначально отпочковавшаяся экзогамная группа кулайцев, быстро вступившая в контакты с обитателями вновь обретенной территории. Причем, заняв в конце III - II вв. до н. э. левобережный участок Новосибирского Приобья, на правый берег в это время кулайцы здесь, видимо, еще не распространялись. На расположенном на правобережье Оби, напротив кулайского ареала могильнике Быстровка I связи с кулайцами документируются лишь единичными находками. К ним относится бронзовая обойма с рубчатым орнаментом (Троицкая Т.Н., 1973, рис.2, 28), подобная обоймам из могильника Каменный Мыс, которые тракуются А.П. Бородовским (1987, с.120, рис.1,5) как детали кулайского убранства костюма и, возможно, связано с брачными контактами. Около II-I вв. до н. э., по-видимому, небольшие группы кулайцев, вероятно, из Новосибирского Приобья проникают по левому берегу Оби до устья Алея (поселение Троицк-1 (Бородаев В.Б., Горбунов В.В., 1993)), уходя в сторону на ЗЮЗ вдоль Касмалинского бора достигают озер в Мамонтовском районе (пос. Бочанцево-1; Иванов Г.Е., 1991). По-видимому, поселение Бочанцево-1 несколько древнее, чем Троицк-1. Его керамика, близкие баночным плоскодонные сосуды, содержит элементы смешения кулайской манеры орнаментации посуды наклонными оттисками гребенки и волны местной лесостепной посуды баночной формы, что аналогично кулайской керамике Новосибирского Приобья III-II вв. до н. э. типа представленной в могильнике Каменный Мыс (Иванов Г.Е., 1991, рис.1; Троицкая Т.Н., 1979, табл. XX, XX1). Однако, крупного переселения кулайцев на левобережье Верхнего Приобья, по-видимому не было. Занятое в основном степью и лесостепью левобережья Оби мало привлекало кулайцев с их преимущественно охотничье-рыболовческим КХТ, которое было мало адаптировано, кроме Новосибирского Приобья и ленточных боров, к экологии этого региона. Здесь они расселялись как бы отдельными островами, приурочивая свои поселки к крупным лесным массивам. Кроме того, в эпоху великого переселения народов, затившую приалтайские степи в I в. до н. э. - I в. н. э. (с чем связано прекращение существования каменной культуры), оседлое, да и кочевое население в районах левобережья подвергалось постоянной опасности. Отсюда в целом малочисленность памятников первой половины I тыс. в этом регионе. Вследствие этих причин вторая, более крупная волна миграции кулайцев на юг в I в. до н. э. - I-II вв. до н. э. с керамикой Саровского (фоминского) типа шла преимущественно по правому берегу Оби, вдоль широкого массива Приобского бора до Бийска с ответвлением по Вице до прителецкой тайги, а также направлялась по Томи и левым притокам Чулыма, Кии, с выходом на Кузнецкий, Алатау, в Шорию и Западный Саян (Бобров В.В., 1978; Бородаев В.Б., 1987 а, с.45, рис.1; Чиндина Л.А., 1984, рис.20). В основном именно эта миграция положила основу формирования южносамодийских народов Саяно-Алтая, такие как маторы, койбалы, камасинцы, которые впоследствии были отюречены. Примечательно, что на кулайских (фоминских) поселениях правобережного Верхнего Приобья рубежа и первых вв. н. э. отсутствуют выраженные черты смешения пришельцев с проживавшим здесь до них каменным (большереченским) населением. Объяснение этого можно видеть в двух причинах. С одной стороны, это население в лесных районах было более редким, а с другой - основная его часть покинула этот регион до прихода сюда кулайцев-саровцев. В целом же исчезновение многочисленного населения каменской культуры около рубежа н. э., несмотря на связь этого явления с эпохой переселения народов, во многом остается загадочным. Т.Н. Троицкая объясняет это явление ослаблением большереченского населения вследствие разгрома юэчжей в Горном Алтае и давлением кулайцев с севера. Однако, такое объяснение не выглядит убедительным, тем более, что ставить в прямую зависимость разгром хуннами юэчжей во II в. до н. э. и ослабление степного и лесостепного населения Верхнего Приобья трудно. К тому же кулайское проникновение почти не затронуло степи Алтая в Обь-Иртышском междуречье, где располагался основной массив населения каменской культуры. Не исключено, что в степных и лесостепных районах вследствие нарастания тенденции

ведения кочевого хозяйства население стало вести более подвижный образ жизни, из-за чего стали постепенно исчезать поселения, многие из которых до этого были временными стойбищами полукочевников. Вследствие этого затрудняется выявление следов обитания. Однако, пока в степи остаются почти неизвестными и погребения первых вв. н. э., кроме фоминских в лесных районах. Вполне вероятно в эпоху великого переселения народов миграция и частичное истребление населения степных и лесостепных районов Обь-Иртышского междуречья и наступившее затем до IV-V и даже VI-VII вв. запустение этого региона. Возможно, поэтому немногочисленные памятники I-III вв. в данном регионе остаются невыявленными. Единичные богатые погребения IV-V вв. на Чумыше (Степной Чумыш), Чарыше (Тугозвоново) (Уманский А.П., 1974; 1978), на Оби у устья Алея (Ераска) (Егоров Я.В., 1993) связаны с приходом нового населения. Часть из них (Степной Чумыш, Ераска) сопровождалась захоронением коня и отражают проникновение в степи предгорий Алтая тюркоязычного населения. По-видимому, не имели массового характера вытеснение и ассимиляция кулайцами местного населения во II-I вв. до н.э., как считают М.Т. Абдулганеев и А.А. Казаков (1994, с.114-115). Это явление захватило локально лесные районы, такие как левобережье Новосибирского Приобья, частично Барнаульского с Касмалинским бором (Бочанцево 1), а также-правобережье Оби, где местное каменско-большереченское население было немногочисленным и не оказало большого влияния на облик фоминской культуры I-III вв., хотя и вошло в состав ее этноса как субстратный элемент. Выяснение судеб основной массы каменского населения в степной и лесостепной части левобережья Оби является делом будущих исследований. Очевидно, с миграцией самодийцев-саровцев связано появление самодийской типологии на северном Алтае и в районе Телецкого озера (Молчанова О.Т., 1982, с.35-36) и сложение здесь групп самодийского этноса, явившегося субстратом в этногенезе северных алтайцев.

Список литературы:

1. Абдулганеев М.Т., 1993. Памятники бийского этапа в Верхнем Приобье //Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993.-С.51-56.
2. Абдулганеев М.Т., Казаков А.А., 1994.Поселение Чудацкая Гора //Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. Барнаул:АГУ.-С.11-115.
3. Бобров В.В., 1978. Кулайские элементы в тагарской культуре //Ранний железный век Западной Сибири, Томск:ТГУ, 1978.-С.33-42.
4. Бородаев В.Б., 1987. Новосибирский клад //Антропоморфные изображения. Новосибирск: Наука, С.96-111.
5. Бородаев В.Б., 1987а. Разведочные работы на северном Алтае //Исследования памятников древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск.-С.45-48.
6. Бородаев В.Б., Горбунов В.В., 1993. Троицк-1-новое поселение кулайской культуры на левобережье Барнаульского Приобья //Охрана и изучение культурного наследия Алтая (Тез. науч.-практ. конф.). Барнаул. Ч.II.-С.183-189.
7. Бородавский А.П., 1987. Интерпретация обойм-накосников и некоторые вопросы ритуального значения волос в раннем железном веке (по материалам Новосибирского Приобья) //Скифо-сибирский мир. Искусство и археология. Новосибирск: Наука.- С.117-121.
8. Егоров Я.В., 1993. Новое исследование погребения воина эпохи великого переселения народов на Алтае //Культура древних народов Сибири. Барнаул, 1993.-С.77-80.
9. Грязнов М.П., 1956. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с.Большая Речка, //МИА.1956. №48.-163 с.
10. Иванов Г.Е., 1991. Поселение Бочанцево 1-памятник кулайской культуры в степном Алтае //Охрана и исследование археологических памятников Алтая (тез. докл. и сообщ к конф.). Барнаул, 1991. -С.117-122.

11. Могильников В.А., Уманский А.П., 1992. Курганы Масляха 1 по раскопкам 1979 года //Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. Барнаул.-С.69-93.
12. Молчанова О.Т., 1982. Структурные типы тюркских топонимов Горного Алтая. Саратов: из-во СГУ. -256 с.
13. ОАК за 1896 г. СПб., 1889.
14. Троицкая Т.Н., 1979. Кулайская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск:Наука.-124 с.
15. Троицкая Т.Н., 1983. Могильник Быстровка-1 как исторический источник //Археологические памятники лесостепной полосы Западной Сибири. Новосибирск. - С.31-50.
16. Уманский А.П., 1974. Могильники верхнеобской культуры на верхнем Чумыше //Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск:Наука.-С.136-149.
17. Уманский А.П., 1978. Погребение эпохи великого переселения народов на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука.-С.129-163.